

Петербуржский *ахун* Атаулла Баязитов (1846–1911) – одна из наиболее заметных фигур среди мусульманских религиозных деятелей конца XIX – начала XX века. Имя Баязитова ассоциируется с двумя значимыми событиями всероссийского масштаба: строительством Соборной мечети в Петербурге и изданием «Нур» – первой в России газеты на татарском языке. Не меньшую известность Баязитов приобрел благодаря опубликованным на русском языке работам: «Возражение на речь Э. Ренана»¹, «Отношение ислама к науке и иноверцам»² и др.

Очевидно, что деятельность петербургского *ахуна* привлекала к себе внимание не только мусульман, но и других подданных империи. Философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев живо интересовался исламом. Его книга «Магомет, его жизнь и религиозное учение», опубликованная в 1896 году, и в наши дни высоко оценивается специалистами. По мнению некоторых исследователей, Соловьев был

многим обязан Баязитову при подготовке к печати данной работы: «Биографический очерк Соловьёва «Магомет, его жизнь и религиозное учение» во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881)»³.

Другие авторы, опять же не приводя никаких доказательств, утверждают, что Соловьев был частым гостем в доме Баязитова. Так, например, Ф.Г. Газизуллин указывает, что Баязитов «был принят в высших правительственных кругах, пользовался большим авторитетом в научном сообществе. Достаточно сказать, что лежа № 11 в Мариинском театре, предоставленная семье Баязитова, находилась рядом с ложей Николая II. В его доме бывали министры, ученые (С.Юл. Витте, Исмаил-бей Гаспринский, В.С. Соловьев – религиозный философ и др.)»⁴.

Источником некоторых мифов о Баязитове послужила статья в газете «В мире мусульманства» за подписью некоего С., опубликованная вскоре после смерти *ахуна*. Вот что, в частности, говорилось об отношениях Соловьёва и Баязитова: «Владимир Соловьев был одним из близких друзей Ахунда Баязитова. В сочинении Вл. Соловьёва "Магомет и его жизнь" (изд. Павленкова) очень много сведений написано под влиянием А. Баязитова»⁵. Некоторые современные авторы не просто

¹ *Баязитов А.* Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука». – СПб., 1883.

² *Баязитов А.* Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887.

³ *Гафаров А.А., Набиев Р.А.* Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80-90-е годы 19 века) // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156. Кн. 3. – С. 85-93.

⁴ *Газизуллин Ф.Г.* Актуальность трудов Атауллы Баязитова для формирования толерантного сознания в современных условиях // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 77.

⁵ *С. Ахунд Баязитов* // В мире мусульманства. – 1911. – № 4. – С. 3.

приводят недоступные сведения из упомянутой статьи, но и воспроизводят содержащиеся в ней ошибки, как например: «Лесников⁶ был близким другом покойного»⁷.

Нам крайне мало известно о характере отношений петербургского имама и русского философа. Основным источником, имеющимся в нашем распоряжении, являются письма, написанные либо самим Баязитовым, либо те, в которых в качестве адресата или автора выступал В.С. Соловьев. Другой важный источник – это биография В.С. Соловьева, написанная В.Л. Величко⁸. Опираясь на данные немногочисленных источников, а также на другие материалы, содержащиеся как в опубликованных документах, так и в тех, что еще не введены в оборот, мы попытаемся реконструировать отношения между двумя религиозными мыслителями – В.С. Соловьевым и А. Баязитовым.

* * *

Для понимания той роли, которую Баязитов играл в петербургском обществе, важно напомнить читателю наиболее важные страницы биографии *ахуна*. Атаулла Баязитов родился в 1846 году в деревне Тюменсу Касимовского уезда Рязанской губернии. В возрасте 14-ти или 15-ти лет он был определен в медресе в селении Четаево. Его учителем стал Шихабдин Алтынбаев, который «с горячим рвением и любовью» преподавал своим ученикам греко-арабскую философию и в особенности логику Аристотеля. В общей сложности Баязитов проходил обучение в данном медресе около восьми лет. За это время он изучил «арабскую диалектику, грамматику, юридическое и догматическое богословие, мусульманское законоведение, греко-арабскую философию, физику, арабскую поэзию, части древней астрономии, древней истории и других второстепенных и прикладных наук».

Что касается русского языка, то ему Атаулла «выучился по собственному же-

ланию у домашнего учителя». В 1871 году, когда Баязитов еще продолжал обучаться и одновременно преподавать *шакирдам* в медресе, он был приглашен земляками – касимовскими татарами Петербурга – возглавить создаваемый магометанский приход.

Ключевым моментом для возникновения прихода стало утверждение в 1869 году гражданским *ахуном* г. Санкт-Петербурга Мухаммеда-Шакира Юнусова, представлявшего интересы «бухарцев» – купцов среднеазиатского происхождения, осевших в Сибири и позднее переселившихся в Европейскую часть России, а также нижегородских татар. Касимовские татары, составлявшие значительную часть мусульманского населения города, были не вполне удовлетворены этим решением. Поскольку представитель землячества касимовских татар не был избран *ахуном* столицы, Хабибулла Бекбулатов – председатель «Бекбулатовского общества взаимной благотворительности касимовских татар» – вступил в переписку с чиновниками, доказывая необходимость назначения для петербургских мусульман второго имама.

Касимовцы брали на себя обязательство обеспечить финансирование своего духовного лидера. В качестве кандидата на эту должность Бекбулатовым предлагался Атаулла Баязитов. После того как Баязитов получил необходимые документы в Уфе, касимовцы стали настаивать на необходимости организации отдельного прихода. В пользу этого решения был составлен общественный приговор, под которым стояли подписи более чем четырёхсот человек. В ноябре 1870 года после некоторых колебаний МВД одобрило создание нового прихода.

Второй магометанский приход располагался в самом центре города – на набережной реки Мойки, в доме 22, менее, чем в десяти минутах ходьбы от Зимнего дворца. Среди прихожан преобладали касимовские татары, которые работали официантами в ресторанах, располагавшихся в районе Невского проспекта и близлежащих улиц.

⁶ Имеется в виду писатель Н.С. Лесков.

⁷ С. Ахунд Баязитов // В мире мусульманства. – 1911. – № 4. – С. 3.

⁸ Величко В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения: С прил. рис. И.Е. Репина, портр. и факс. – СПб., 1902.

Первая страница из книги
А. Баязитова «Мехэммед
Мостафа» (СПб., 1881).

В 1880 году Баязитову присуждается звание *ахуна*. В том же году он был приглашен в Министерство иностранных дел в качестве переводчика (драгомана), а в 1888 году по представлению управляющего учебным отделением Азиатского департамента М.А. Гамазова (1812–1893) Баязитов был определен преподавателем тюркских наречий в чине коллежского регистратора. Таким образом, Баязитов совмещал работу имама второго магометанского прихода

со статской службой.

В промежутке между этими двумя назначениями, в 1883 году, было опубликовано сочинение Баязитова «Возражение на речь Э. Ренана "Ислам и наука"», вызвавшее интерес у русской читающей публики. Многие были немало удивлены тому факту, что магометанин сумел дать достойный ответ французскому философу. Книга была отмечена несколькими рецензиями в авторитетных изданиях.

Между тем Баязитов не был первым мусульманским автором, кто выступил с критикой Э. Ренана. В 1883 году, вскоре после обнародования текста лекции Ренана «Ислам и наука» было опубликовано сначала на арабском⁹ а затем на французском¹⁰ языке письмо-ответ Джамал ад-дина ал-Афгани (1839–1897), содержащее критику взглядов французского философа. Нельзя исключать, что Баязитов был знаком с этой публикацией. В том же, 1883 году неизвестный автор опубликовал в российском «Восточном обозрении» статью «Мусульманство и рационализм»¹¹.

Однако внимание русской читающей публики привлекла именно книга Баязитова.

Известности Баязитова в среде немусульман в немалой степени способствовало его знакомство с представителями литературного кружка В.Л. Величко – М.Г. Муретовой.

* * *

В конце 1880-х – начале 1890-х годов в Петербурге и Москве наблюдается возрождение литературных салонов и кружков. Один из таких кружков собирался на квартире у Марии Георгиевны Муретовой (ум. 1912). Муретова была дочерью французского аристократа, графа Г. де ла Барта и женой надворного советника Д.В. Муретова. После смерти мужа Муретова в 1887 году переехала в Петербург. Здесь она близко сошлась со своим двоюродным братом, поэтом и журналистом В.Л. Величко (1860–1903), став его женой, подругой, соратницей.

В жизни Василия Львовича Величко можно условно выделить два периода. Границей между ними является 1896 год. В этом году Величко покидает Петербург, где он не один год добивался славы поэта, и уезжает в Тифлис, где вскоре становится главным редактором газеты «Кавказ». До этого времени Величко был известен в литературных кругах как подающий надежды поэт, переводчик произведений персидских, тюркских и грузинских поэтов¹². После отъезда из Петербурга его начинают больше занимать политические сюжеты, чем лирическая поэзия. Общественная и публицистическая деятельность Величко в конце 1890-х – начале 1900-х гг. дает основание некоторым исследователям называть его одним из отцов-основателей черносотенного движения.

Наиболее рельефно метаморфозу, произошедшую с Величко, демонстрируют его письма к издателю А.С. Суворину

⁹ Jamāl al-Dīn al-Hussaynī al-Afghānī. 3 May 1883b. "al-Islām wa al-'ilm" // Al-Basīr. – 1883. – 3 may.

¹⁰ [Jamāl al-Dīn al-Afghānī] Gemmal Eddine Afghan. Au Directeur du Journal des débats // Journal des débats. – 1883. – 18 May.

¹¹ Мусульманин. Мусульманство и рационализм // Восточное обозрение. – 1883. – № 24. – 16 июня.

¹² Так, например, произведения Омара Хайяма впервые были опубликованы на русском языке в переводе В.Л. Величко: Из Омара Кайяма / Пер. с персид. В. Величко // Вестник Европы. – 1891. – Кн. 5, Т. III. – С. 319–323.

(1834–1912). Если до поездки на Кавказ Василий Львович хлопочет в основном о судьбе своих литературных произведений, в частности своего самого известного сочинения – «Первая муха», то письма с Кавказа буквально наполнены болью от того, что ему довелось увидеть вокруг. Главной мишенью критики Величко становится «армянская плутократия».

По мнению Величко, армянская плутократия, которая преследовала свои корыстные интересы, действовала враждебно по отношению к России. В то же время, мусульмане являлись верными подданными империи, и их необходимо было защищать от притеснений со стороны армян¹³.

В.Л. Величко был сторонником прагматического подхода. Он считал, что политика государства по отношению к тому или иному народу должна зависеть от лояльности представителей этого народа российскому государству, а не определяться принципом крови или веры: «Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать из бытовых условий, а не основываться на формальных признаках. Ограничивать нужно эксплуататоров, стачников, политиканов, людей кагальнаго строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане. Христианство без христианской морали есть подделка, и недаром один православный иерарх, знающий Кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян»¹⁴. В некоторых своих текстах Величко превосхищал идеи евразийцев, считая мусульман комплиментарными (в терминологии Л.Н. Гумилева) по отношению к русским: «Не надо забывать, что,

как выше сказано, разумно направленное культурное развитие мусульман неминуемо приведет их к теснейшему сближению с русскими, с которыми они состоят в кровном и в идейном родстве, как показывает вся наша история»¹⁵.

На Кавказе Величко познакомился с бытом местных мусульман – прежде всего, закавказских татар (азербайджанцев). На страницах «Кавказа» он неоднократно выступал в защиту мусульман от нападок и провокаций со стороны армян. Но еще в Петербурге Величко живо интересовался мусульманской религией и даже присутствовал на мусульманских богослужениях.

О связях Баязитова с кружком Величко-Муретовой было хорошо известно и петербургским мусульманам. Эти связи послужили поводом для обвинения ахуна в том, что он не является подлинным автором книг, опубликованных под его именем: «Возражение на речь Э. Ренана», «Отношение ислама к науке и иноверам» и др. Данное обвинение содержалось в письме Гази Булатовича Вали хана (1844–1909) к Исмаилу Гаспринскому. Вот что писал Вали-хан своему корреспонденту: «Я удивляюсь смелости таких безграмотных людей, как Баязитов, решающихся издавать газету под громким именем «Блеск ислама»¹⁶, ради только того, чтобы эксплуатировать невежественный мусульманский народ... Наверное, он думал воспользоваться услугами господина Величко... и компании, которые написали ему брошюры «Возражение на речь Ренана», «Ислам и наука» и статью в Петербургских ведомостях против Смирнова¹⁷, составленную общими силами; под всеми этими статьями красовалась только одна фамилия: «Мудар¹⁸... Баязитов...»¹⁹.

¹³ Величко В.Л. Русские речи / Сост. предисл. и коммент. А. Д. Степанова. – М., 2010. – С. 78-79.

¹⁴ Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. – Баку, 1990. – С. 115.

¹⁵ Там же. – С. 177.

¹⁶ Речь идет, по-видимому, о рабочем названии газеты «Нур», первый номер которой вышел только в 1905 г.

¹⁷ Как справедливо предполагает И.В. Зайцев, Вали хан имеет в виду статью, опубликованную в № 96 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1891 г. Однако статья называлась не «В защиту татарской литературы от цензуры», а «Обманчивые призраки» (Баязитов А. Обманчивые призраки. Ответ на статью «Среди татар» в газете «Новое время» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1891. – № 96. – С. 2-3).

¹⁸ Имеется в виду слово «мударрис» (учитель), стоявшее на титуле книг Баязитова: [Сочинение] С.-Петербург. мухамед. ахун имам-джамии хатым мударриса Атаулы Баязитова

¹⁹ Цит. по: Зайцев И.В. Новые документы об Исмаиле Гаспринском // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2014. – № 3-4. – С. 130.

Из вышеприведенного отрывка очевидно следующее: в среде петербургских мусульман циркулировал слух о том, что Баязитов не был, по крайней мере, единственным автором текстов, опубликованных под его именем в 1880-е и 1890-е гг. Даже если этот слух был недостоверным, письмо Вали-хана отражает отношение определенной части мусульман столицы к Баязитову.

В пользу тезиса о неоднозначном отношении современников-мусульман к ахуну Баязитову говорят и слова официального документа, написанного третьим секретарем турецкого посольства в Санкт-Петербурге Абдур-Резаком: «...Хотя и нет оснований сомневаться в благочестии имама Атауллаха эфенди, [все же] он получил образование в русской школе, русские выдают ему законное жалование, а также дали ему чин, соответствующий [османскому] чину гражданского служащего первого ранга. Здешние мусульмане знают, что Атауллах эфенди со своей шляпой и служебным мундиром ушел к русским, и **многие** (подчеркнуто мною. – Р.Б.) не любят его [за это]»²⁰.

Говоря о том, что Баязитов ушел на службу к русским, турецкий дипломат имеет в виду работу *ахуна* в Министерстве иностранных дел. Он поступил в МИД, как уже отмечалось выше, в 1880 году. Его непосредственным начальником был востоковед Матвей Авелевич Гамазов, управляющий учебным отделением Азиатского департамента МИДа. Поначалу, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, у Гамазова были высокие ожидания в отношении Баязитова. Так, в письме генерал-лейтенанта Губайдуллы Чингисхана (1840 – 1909) к Гамазову, написанном в 1888 году, говорится следующее: «Относительно избранника Вашего – учителя, он же вновь испеченный чин, я надеюсь, Вы не ошиблись в нем, он будет очень стараться заслужить Ваше спасибо»²¹.

Надежды полковника Чингисхана не вполне оправдались. Возможно, Гамазова и устраивала работа Баязитова в качестве преподавателя, но научные опыты *ахуна*

точно не встречали его сочувствия. В письме к А.Н. Пыпину (1833–1904), касающемся реферата «О происхождении названия Саратов» востоковеда М.В. Готовицкого, Гамазов писал следующее: «Ахун не намерен уступить г. Готовицкому. Препровождая к Вам новую записку сего вновь испеченного коллежского регистратора. Поступите с нею по Вашему усмотрению. Если эта букворастирательная беллиберда покажется Вам не годною к отправке по назначению, потрудитесь предать ее всеожжению. По просьбе моей, Баязитов, в сем последнем произведении, оставил меня, не желающего более принимать участие в подобном рода ломании копий, совершенно в стороне»²².

К письму Гамазова прилагается записка Баязитова. В ней растолковываются особенности транслитерации арабских и тюркских слов. Также в записке говорится о возведении, по мнению Баязитова, некоторых топонимов к антропонимам: городов Касимова (к имени хана Касима), Астрахани (к имени Аждар-хана), Казани (к имени хана Казана). Вопрос с транслитерацией арабских и тюркских слов тогда еще не был решен даже на уровне академического востоковедения. Что касается происхождения топонимов, то здесь ситуация сложнее. В случае с Касимовым разногласий между учеными не существовало. Между тем, версия о происхождении названия Казани от имени хана Казана, или Газана, является дискуссионной и не поддерживается большинством специалистов. Не меньше вопросов вызывает и гипотеза о происхождении названия Астрахани от имени хана Аждара.

Как видно, научный авторитет Баязитова среди профессиональных востоковедов (Гамазов и Готовицкий) был невысок. Сам Баязитов, впрочем, также не жаловал ориенталистов и скептически высказывался об исследованиях В.В. Радлова (1837–1918) и Ф.Е. Корша (1843–1915).

Философ Владимир Сергеевич Соловьев не был специалистом по исламу, но ему удалось написать одну из лучших

²⁰ Письмо-донесение третьего секретаря Османского посольства в Санкт-Петербурге Абдуррезака адъютанту султана Дервиш паше о положении российских мусульман // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2008. – № 2 // www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/02/04/

²¹ Письмо Чингис-хана Тору М.А. Гамазову // ОР РНБ. Ф. 172. Д. 121. Л. 1.

²² Письма М.А. Гамазова А.Н. Пыпину // ОР РНБ. Ф. 621. Д. 189. Л. 11-11об.

биографий пророка Мухаммада. В связи с этим возникает законный вопрос: коль скоро Соловьев был участником кружка Величко-Муретовой и был знаком с Баязитовым, то не прибегал ли он к помощи *ахуна* при работе над книгой «Магомет, его жизнь и религиозное учение»?..

* * *

По свидетельству Величко, Баязитов был дружен с философом и поэтом В.С. Соловьевым: «Когда он (В.С. Соловьев. – Р.Б.) писал для биографической библиотеки Павленкова очерк жизни и учения Мухаммеда... он внимательно проверял каждое слово при помощи авторитетной критики академика барона В.Р. Розена и здешнего гражданского ахуна, почтенного муллы Баязитова, **с которым затем был дружен до самой смерти** (подчеркнуто мною. – Р.Б.)»²³.

Некоторые исследователи идут дальше и, не опираясь ни на какие документальные свидетельства, утверждают следующее: «Биографический очерк Соловьева «Магомета, его жизнь и религиозное учение (1896) во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881)»²⁴. Действительно, в 1881 году была издана книга Баязитова на татарском языке «Мехэммад Мостафа (салла-л-лаһу галэйһи вә сәлам) дөнъяга килүе вә диннең башлануы». Однако эта книга имеет мало общего с трудом Соловьева и представляет собой богословское сочинение, адресованное совершенно иному читателю, чем биографический очерк Соловьева.

Соловьев начал работу над очерком «Магомет» в 1892 году²⁵. То есть он писал книгу в тот период, когда наиболее активно общался с В.Л. Величко и часто гостил у них с Муретовой. У нас также нет оснований утверждать, что в указанный период, когда Соловьев работал над «Магометом», контакты Величко с Баязитовым прекратились. То есть, объективно Баязитов не мог не пересекаться с Соловьевым.

Однако письма, написанные Владимиром Сергеевичем или адресованные ему, не подтверждают тезиса Величко о дружбе философа с *ахуном*, высказанного Василием Львовичем в биографии Соловьева. «Итак отложите «Магомета до будущей недели, – пишет Соловьев Величко в 1894 году. – **Я не знаю, какой человек ахун** (подчеркнуто мною. – Р.Б.), – если он дурно примет эту отсрочку, то, пожалуй, можно в виде компенсации предложить ему читать у нас»²⁶. Довольно странная фраза в устах автора книги, который, по словам В.Л. Величко, «проверял каждое слово при помощи авторитетной критики... муллы Баязитова»²⁷.

Не менее странно, что в предисловии к книге «Магомет» В.С. Соловьев выражает благодарность барону В.Р. Розену, но даже не упоминает Баязитова. Даже если предположить, что дружба и активное сотрудничество между Соловьевым и Баязитовым возникло только в 1894 году на стадии подготовки уже написанной книги «Магомет» к печати, то как в таком случае объяснить то обстоятельство, что в предисловии к книге Соловьев упоминает лишь барона Розена и обходит молчанием «помощь» *ахуна*? Для щепетильного Вла-

²³ Величко В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения: С прил. рис. И.Е. Репина, портр. и факс. – СПб., 1902. – С. 184

²⁴ Гафаров А.А., Набиев Р.А. Модернистский дискурс в трудах А. Баязитова (80-90-е годы 19 века) // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, Кн. 3. – С. 88.

²⁵ В письмо издатель Ф.Ф. Павленкову от 30 июня 1892 г. Соловьев обещает предоставить рукопись «Магомета» «самое позднее к 20 сентября» того же года (Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891-1892) // РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Однако в другом письме Владимир Сергеевич просит дать ему отсрочку до 10 января 1893 г. (Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891-1892) // РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 6). К тому моменту, по словам Соловьева, книга была почти написана и ему требовалось для окончания рукописи «12-15 дней исключительно на это посвященных» (Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891-1892) // РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 6).

²⁶ Письмо В.С. Соловьева В.Л. Величко (1894) // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1. – СПб., 1908. – С. 210.

²⁷ Величко В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения: С прил. рис. И.Е. Репина, портр. и факс. – СПб., 1902. – С. 184.

димира Сергеевича умоляет об оказанной ему услуге – вещь невозможная²⁸.

Наконец, в нашем распоряжении есть письмо самого А. Баязитова к В.С. Соловьеву. Оно представляет интерес не только своим содержанием, но и стилем изложения. Поэтому процитируем его здесь полностью, с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации. Это одно из немногих писем, написанное порусски рукой самого Баязитова. На других, как правило, стоит лишь его подпись.

«Многоуважаемый

Владимир Сергеевич!

Хороший тон книги мог-бы произвели магометанам привосходный впечатленье но помещенная в ней изображение Магомета в таком дурном виде и так неудачно рисованный к сожалению может омрачить прекрасное впечатление, даже мне думается такая неподходящая образ Магомета будет принета многими как-бы нарочно так дурно изображенном в такую ни подходящий вид. Не лучше-ли задержать выписку в свет и выпустить без изображения Магомета, спасти бочку меда от ложки дегтя все таки мудрость.

С искренним почтением

А. Баязитов.

1896-го года. 8-го июля»²⁹.

Письмо датировано 8 июля 1896 года. К тому времени уже были опубликованы книги Баязитова «Возражение на речь Эрнеста Ренана "Ислам и наука"» и «Отношение ислама к науке и иноверцам», а также ряд статей научного и научно-популярного характера. В этом ряду можно также упомянуть рецензию на очерк Соловьева «Магомет», напечатанную в газете «Неделя» в сентябре того же 1896-го года. В рецензии подробно рассматривались достоинства и недостатки брошюры Соловьева. К числу последних был отнесен все тот же портрет Мухаммада работы Лейпцигского гравера Гедана: «Прежде чем сказать что-либо о содержании самой книжки, мы не можем

не выразить нашего сожаления по поводу помещения в ней вполне неудавшегося гравированного (с чего?) портрета Магомета; во-1-х, подлинного изображения его совсем не существует, а во-2-х, помещенное изображение совсем не подходит и не соответствует ни тем описаниям наружности пророка, ни тем сведениям о его нравственном укладе, которые сохранила для нас история, как единственные источники. Позволим себе заметить, что лучше бы было уже поместить портрет Магомета, находящийся в журнале "Звезда", в № 4-м 1895 года, взятый из академии художеств. Последний, по нашему мнению, более соответствует характеру Магомета по имеющимся преданиям»³⁰.

Как существенно разнится язык этого фрагмента с тем, что мы привели выше! Вышеприведенное письмо демонстрирует, что его автор владел русским языком как разговорным, но не как письменным. Мог ли человек, столь безграмотно излагавший свои мысли по-русски, обойтись без посторонней помощи при написании своих книг? Ответ очевиден. При подготовке текстов Баязитова на русском языке к печати не обошлось, как минимум, без опытного редактора.

О том, что в книгах Баязитова чувствуется рука немусульманина, отмечали и некоторые рецензенты книги. Так, православный миссионер Миропиев в своем критическом отзыве о книгах Баязитова на русском языке, обратил внимание на некоторые необычные для мусульманина (тем более, мусульманского богослова) особенности текста книги «Ислам и прогресс». Так, например, Миропиев пишет: «При этом весьма интересно, почему г. Баязитов приводит стихи Корана по переводу Николаева с французского перевода Казимирского (М., 1876), а не с более точного перевода, сделанного прямо с арабского текста Г.С. Саблуковым. Это странно, но сделано не без цели, наверно. Это во-1-х. Во-2-х, на каком основании... г. Баязитов, говоря об уважении ислама к Иисусу, на-

²⁸ Об этом свидетельствуют многие люди, близко знавшие В.С. Соловьева. Например, его сестра М.С. Безобразова вспоминала, что ее брат «особенно страдал от малейшей измены верности и дружбе и сам исключительно глубоко и сильно чувствовал благодарность за всякую, и даже небольшую, услугу» (*Безобразова М.С. Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Минувшие годы. – 1908. – май–июнь. – С. 147*).

²⁹ Письмо А. Баязитова В.С. Соловьеву // ОР РНБ. Ф. 718. Д. 39.

³⁰ *Баязитов А.* Что проповедует ислам? // Неделя. – 1896. – № 36. – С. 1164.

зывает его «Иисусом Христом»? Ведь Кран не дает ему на это права. Не есть ли это желание подделаться под вкус русской православной публики, для которой написана брошюра?»³¹.

Следует также обратить внимание на то, в рецензии Баязитова, как и в вышеприведенном письме, ни слова не говорится против употребления Соловьевым имени «Магомет» вместо «Мухаммед», хотя именно этого следовало в первую очередь от мусульманского религиозного деятеля! Между тем, сам Владимир Сергеевич был категорически против «Магомета», о чем свидетельствует его письмо к Павленкову: «Но тут опять возникает вопрос с именем. Я уступаю Вам заглавный лист (и, следовательно, объявления), но стою за Мухаммеда в тексте (с объявлением в предисловии), – не только ради студентов барона Розена, но также и для множества русских мусульман, на которых как на читателей имею основание рассчитывать и которые привыкли писать и произносить не иначе как Мухаммед»³².

Между тем, письмо Баязитова к Соловьеву является важным дополнением к цитируемому выше письму Соловьева к Величко.

Анализ содержания обоих писем позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Как видно из цитируемого выше письма В.С. Соловьева к В.Л. Величко, по крайней мере, до 1894 года Владимир Сергеевич практически не был знаком с Баязитовым (при этом, книга «Магомет, его жизнь и вероучение» была закончена вчерне в 1894 году).

2. Баязитов увидел (или услышал) «Магомета», когда тот был уже написан, и не принимал активного участия в обсуждении книги на стадии ее написания. При этом, как видно из письма Соловьева к Величко, Баязитов мог слышать чтение рукописи «Магомета» и участвовать в его обсуждении наряду с другими слушателями в квартире Муретовой. Однако *ахун* не выступал консультантом Владимира Сергеевича при написании им книги. Это подтверждает и рецензия Баязитова на «Магомета», опубликованная вскоре после

издания очерка³³. Впрочем, не говорится об этом сотрудничестве и в переписке Соловьева и Павленкова.

3. Характер письма Баязитова не говорит в пользу того, что между ним и Соловьевым существовала дружба – по крайней мере, до 1894 года (а содержание предисловия Соловьева к «Магомету», что и до 1896 года). Другие источники (письма, написанные Соловьевым или адресованные ему, мемуары и др.) не подтверждают, что Соловьев контактировал с Баязитовым и после 1896 года.

* * *

Организовав подготовку и публикацию книг Баязитова на русском языке в 1880–1890-х годах, один из лидеров черносотенного движения Василий Величко реализовывал собственный проект под названием «Атаулла Баязитов – русский публицист». Целью проекта было на примере конкретного религиозного деятеля, пользовавшегося авторитетом у мусульман столицы, интегрировать консервативно настроенную мусульманскую элиту в русское общество.

Нельзя вместе с тем сказать, что и Баязитов выступал лишь в роли игрушки в руках Величко. После публикации на русском языке его книг «Возражение на речь Эрнеста Ренана "Ислам и наука"» и «Отношения ислама к науке и к инновациям» Баязитов стал широко известен за пределами мусульманской общины столицы.

Выдумав русского мусульманского публициста Атауллу Баязитова, Величко фактически предвосхитил теорию постколониализма, которая была сформулирована на Западе столетие спустя. Монархист Величко предоставил возможность русской публике услышать голос мусульманина – верноподданного империи. Голос этот был услышан, но не был принят русской общественностью, по крайней мере, консерваторами, на которых в первую очередь рассчитывал Величко. Об этом свидетельствуют некоторые рецензии, написанные на книги Баязитова люд-

³¹ Миропиев М.А. О положении русских инородцев. – СПб., 1901. – С. 36

³² Письма В.С. Соловьева к Ф.Ф. Павленкову (1891-1892) // РГАЛИ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 40. Л. 7об.–8.

³³ Баязитов А. Что проповедует ислам? // Неделя. – 1896. – № 36. – С. 1164-1168.

ми, придерживавшимися консервативных взглядов к Величко лагеря. Несмотря на то, что Баязитов в целом (с некоторыми оговорками) разделял цели, ради которых его привлек Величко, русские консерваторы 1880–1890-х держались от петербургского *ахуна* на дистанции.

Отзывы и комментарии о научной деятельности Баязитова людей, хорошо знавших его, свидетельствуют, что *ахун* так и не стал своим в среде русских общественных и литературных деятелей, знакомство с которыми ему подарила судьба.

Одним из таких людей был философ Владимир Сергеевич Соловьев. Мы попытались выяснить характер отношений между мусульманским богословом и христианским мыслителем. Случай с В.С. Соловьевым очень ярко демонстрирует, что, несмотря на все усилия В.Л. Величко сблизить Соловьева и Баязитова, между этими незаурядными людьми так и не сложилось дружбы и плодотворного сотрудничества. Хотя возможности для этого были: Соловьев работал над книгой «Магомет, его жизнь и вероучение» в ту

пору, когда он активно общался с В.Л. Величко и посещал литературный кружок в квартире Муретовой. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные свидетельства показывают, что слова Величко о тесной дружбе между Соловьевым и Баязитовым «до самой смерти», представляют собой не более, чем попытку выдать желаемое за действительное. Создавая миф о дружбе мусульманского ахуна с русским философом, Василий Львович пытался придать вес своему протезу, о котором к началу XX столетия петербургская светская публика успела слегка подзабыть. Скончавшийся к тому времени Владимир Соловьев уже не мог опровергнуть или подтвердить слова «друга Васи».

В своем осознанном стремлении поддержать и сделать ставку на мусульман-консерваторов В.Л. Величко был одинок. Он почти на четверть века опередил своих современников, которые только во время революции 1905–1907 годов стали привлекать мусульман на свою сторону и содействовать им в реализации их верноподданнических чувств.